

Елена Букреева

«Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве»

В личном фонде русского историка-слависта Антония Васильевича Флоровского¹, хранящегося в Архиве Российской академии наук, были найдены ценные документы, касающиеся жизни графов Толстых в Швейцарии. Это десять писем Николая Афанасьевича Боура² к своему знакомому по Одессе, бывшему приват-доценту Новороссийского университета Флоровскому. В основном переписка касается организационных вопросов подготовки к выставке Русского Благотворительного общества в Женеве, членом которого Н.А. Боур являлся, но несколько страниц посвящены описанию последних лет жизни в эмиграции графа Михаила Михайловича Толстого и его матери графини Елены Григорьевны. Хронологические рамки найденных документов охватывают период с 10 апреля 1926 по 8 февраля 1927 г.

Именно в этот промежуток времени ушла из жизни графиня Толстая, и благодаря Н.А. Боуру стало известно не только место погребения Толстых на женевском кладбище Сен-Жорж³, но и причина утраты могил.

Профессор Антоний Васильевич Флоровский

Впервые представлены к публикации выборочные документы из фондов Российской академии наук, касающиеся непосредственно графа Толстого и членов семьи Николая Боура. Стилистика, орфография и пунктуация источников с незначительными изменениями сохранена. Сокращения слов раскрываются автором в угловых скобках. В комментариях даны уточняющие сведения об упоминаемых в текстах фамилиях, учреждениях и названиях органов периодической печати⁴.

1

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 8 мая 1926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве, живем очень тяжело. Михаил Михайлович тяжело болен. Чем он страдает, Вы знаете, ходить не может, уже восьмой месяц лежит, а страдает жестоко. И беда, что средства его уже на исходе. Живали мы первое время в отелях, но в них так дорого, что мы спустя полтора года переехали в меблированные квартиры и живем в них уже шестой год. Бедный граф спасается только впрыскиваниями сильно действующими средствами, как то: морфином, камфорой, принимает хлорал; ночей не спит, не ест или же ест очень мало. Жаль и тяжело смотреть на его страдания. Развлечение у него одно – это чтение, и на книги мы немало тратим. Но нельзя его оставлять с его тяжкими думами.

Его матушка совершенно здорова, но, как очень старый человек, многого не понимает, внешним миром не интересуется, не читает, ибо не видит. Все у нее сосредоточено на больном сыне, от которого она не отходит ни на минуту. Конечно, оба из квартиры не выходят уже много лет, по крайней мере, могу их насчитать три с тех пор, как мы в настоящей квартире.

Кстати, к концу месяца мы должны менять ее, переходим поблизости на рю Константан, 6,⁵ где будем платить очень недорого, всего 4500 фр<анков> в год, т. е. на 750 франков меньше, чем сейчас платим.

С нами живет уже четвертый год старушка Ольга Михайловна Боде, совершенно больной человек, ходить не может – ноги у нее парализованы. После смерти ее мужа в Сан-Ремо надо было подо-

Николай Афанасьевич Боур

брать ее; у нее никого близких, кроме Толстых, нет.

Временно живет с нами также старушка Сперле, вдова воспитателя Михаила Михайловича, швейцарца Сперле⁶. Видите, как у нас много инвалидов.

Живем более чем скромно, правильнее было бы назвать нашу жизнь скудной, не жалею лишь на врача, на аптеку, да на книги.

Моя жена Валентина Степановна⁷ взяла на себя с тех пор, как живем в квартирах, все хозяйство – сидит по целым дням на кухне, либо чинит платье и белье, либо штопает. Никуда, конечно, не выходит,

все некогда. По вечерам лишь читает.

Да и мне нечего делать <...> читаю газеты, русские и французские книги, пишу письма. <...> Чаще всего имею сведения из Одессы, где у меня остались брат Василий⁸, бывший мировой судья, сестра⁹, кузены и много друзей, между ними и Диевский¹⁰. Он мне аккуратно и уже давно пишет по 2 раза в неделю.

Затеял я месяцев 8 тому назад переезд брата в Бессарабию. С величайшим трудом добыл две визы – в Польшу и Румынию, и, когда дело было совершенно готово к отъезду брата и его семьи, узнал из письма из Одессы, что большевики с 9 апреля повысили сбор заграничные паспорта до двухсот рублей за паспорт. В частности, брату пришлось бы заплатить 2000 швейц<арских> франков за один паспорт. Таких денег ни у него, ни у меня нет. После долгих трудов мне удалось достать в виде ссуды еще 1000 франков, которые я и отправил ему. Теперь жду еще какой-либо неприятности, ибо от большевиков естественно ждать всякой гадости. И жду с величайшим нетерпением. Даже злейшему своему

врагу не пожелаю такой жизни, как у брата. Да какая там может быть жизнь, это скорее медленное умирание. Вы лучше меня это знаете.

Будем все очень, очень рады получить Ваше письмо: как же Вам живется в Праге?

Переписываюсь и с Румынией, где у меня много родственников, пишут мне все. Да там в Бессарабии и моя замужняя сестра, есть и маленькое наследственное имущество. Туда-то и стремится мой брат. Два других брата младших в России. Кажется мне, партийные¹¹, мне они ни слова не пишут. Имею самые смутные о них представления.

При такой тяжелой жизни и перспектив никаких, о России нам нечего и думать. Если бы большевики пали, граф в таком положении, что о его переселении нечего и думать. Вероятно, здесь и сложим наши кости¹².

Будьте же здоровы, дорогой Антоний Васильевич, передайте наш сердечный привет Вашей супруге. Михаил Михайлович и Елена Григорьевна шлют Вам искреннейшую благодарность за внимание и пожелания всякого благополучия.

Глубоко и сердечно Вам преданный *НБоур*.

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 5 с об.

2

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 14 июня 1926

Глубокоуважаемый Василий Антонович!¹³

<...> Мы уже на новой квартире, начинаем к ней привыкать. Квартира, во всяком случае, очень веселая, кое в чем очень удобная, но есть мелочи, которые графа не устраивают. Но за 4500 франков такой квартиры не найти! Солнца же в ней очень много, а это залог здоровья. Наш адрес – рю Константан, 6. Будьте же здоровы.

Сердечно и глубоко Вам преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 2

Василий Афанасьевич Боур

3

*Н.А. Боур – А.В. Флоровскому
Женева, 23 июля 926*

Глубокоуважаемый Анто-
ний Васильевич!

<...> Как был бы я рад с Ва-
ми встретиться в том случае,
если Вы переедете к нам по-
близости! <...> станция С. Пьер
де Рамили¹⁴, с деревушкой
Понши, куда я и езжу навещать
моих русских друзей. Там див-
но хорошо, на выбор жилье
предоставляется желающим –
либо русский пансион во двор-
це, либо помещение у крес-
тьян. Конечно, пансион много
лучше, а кормят там восхити-
тельно, ибо сама хозяйка гото-
вит, и большую часть русские
блюда. Этот пансион во дворце
госпожи Деламон, арендован-

ном полковником Штранге¹⁵, русским по происхождению, детей
у него нет. Хочу навести Вас на следы родства его.

Если Вы еще помните Одессу, должны знать русского адмирала
Патен де Ферайон Петра Ивановича вот он-то вместе со Штранге
и держит в это лето пансион. А уж оттуда можно было бы контра-
бандой заглянуть и к нам в Женеву <...>.

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 7

4

*Н.А. Боур – А.В. Флоровскому
Женева, 11 августа 926*

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Вчера был во Франции и побывал в пансионе полковни-
ка Штранге. У них полно, и надежды на комнату нет ни у них,

ни у меня.<...> Есть еще одно место: Салланж¹⁶, также в Верхней Савойе, отель де Пари. И хорошо и дешево: там живут дочь и зять нашего Сухомлинова¹⁷. И это очень близко от нас! <...>

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 10 об.

5

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 28 сентября 1926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Как глубоко жаль мне, что Вы не приехали в Савойю, что по-видимому, зарылись в Парижских библиотеках и не заметили, как промелькнуло лето.

<...> Здоровье графа плохо, замечаю, что с каждым днем силы его убывают, страдает невероятно, а мы бессильны облегчить его. Бедный, несчастный человек!

Послезавтра ждем к нам из Лозанны¹⁸ Сухомлиновых, Надежда Артемьевна¹⁹ бежит от своих именин. <...> Граф и Юрий Ильич шлют Вам искренний привет.

Глубоко преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 11 с об.

6

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 8 февраля 1927

Глубокоуважаемый и дорогой Антоний Васильевич!

Был страшно рад, получив вчера Ваше милое письмо, за которое приношу сердечную благодарность. Давно уже собирался писать Вам, да в первое время не знал Вашего адреса, лишь недавно получил его от Вашего батюшки.

Не знаю, знаете ли Вы по письмам от Ваших родителей²⁰, что Михаил Михайлович и мы попутно понесли тяжелую потерю – скончалась еще в декабре графиня Елена Григорьевна²¹. Скончалась от старческой слабости, а причина, вызвавшая кончину ее, –

перелом ноги в начале октября. В общем, лежала она в постели два с лишним месяца. По словам нашего врача, страданий не испытывала, но в последнюю неделю бредила и вообще была вне сознания. Таким образом мы осиротели!

Тяжелее всего перенес разлуку Михаил Михайлович, что вполне понятно: горячо им любимая мать, которую он не оставлял ни на минутку с 1898 года, никогда с нею не разлучался.

В первые дни ему было очень тяжело, по целым дням плакал, но сейчас ему немного легче, время чего ни делает?

Похоронили мы ее на местном кладбище Сен-Жорж, но меры приняты к тому, чтобы кто-либо из родных или близких лиц мог перевезти ее прах в Одессу, а именно – могила заплачена за период в 40 лет, а гроб взят цинковый, который перед опусканием в могилу запаян. Только при таких условиях швейцарские законы разрешают перевозку.

Могила приведена в полный порядок, но сделать что-либо постоянное запрещают до истечения четырех месяцев. Предполагаем поставить на ней каменный крест и железную решетку. Дай лишь Бог, чтобы перевозку мог завершить еще я сам.

Михаил Михайлович в прежнем положении, всегда лежит, прибегает почти ежедневно для успокоения страданий к впрыскиваниям морфина. В те часы, когда лучше себя чувствует, много читает.

Мы по-прежнему живем скучно, тоскливо, никто к нам не заходит, нигде и мы не бываем, а недавно все переболели гриппом. Жена моя и сей час не оправилась совсем, не выходит, а я пролежал в постели дней десять, теперь уже свободно выхожу.

<...> Скорбим вместе с Вами и со всеми русскими о том, как ухудшается повсюду положение русских эмигрантов, и вполне согласен с Вами, что больно мы уже надоели чужим странам, надо им ведь и считать нас гостями и на нас тратиться!

Здесь наблюдается то же самое, но все-таки нельзя жаловаться. Международное Общество Красного Креста, местное Благотворительное общество не перестают, хотя и кряхтят, оказывать ту или иную помощь, преимущественно денежную и сравнительно большими суммами, русским. Выдают на семью по 120 швейцарских франков в месяц с прибавлением купонов

Домик в Измаиле, где жил в 1930-е годы Н. Боур

на даровой хлеб, молоко, топливо, вообще на жизнь. И здесь еще никто не испытывал нужды, кое-как перебиваются, хотя и не сладко им живется, ибо жизнь страшно дорога.

Сердечно благодарю Вас за обещание прислать мне и графу Ваш труд, который Вы сейчас кончаете, желаю Вам от души успешно его закончить. А тема чрезвычайно интересная! Должен лишь сказать, что чешского языка мы не знаем, если книги будут изданы на этом языке, то мы в них ничего не поймем.

Могу Вам сообщить и приятное для меня событие. Брат мой, бывший мировой судья в Одессе, вместе со старшей дочерью, вдоволь настрадавшись в России, при моей помощи и содействии выехал в Румынию через Польшу. Ныне они в Бухаресте наслаждаются свиданием и общением с родными, а он занят делом о принятии подданства, о приискании службы. Но я вполне уверен, что с помощью моего кузена, тов<арища> министра внутренних дел, он легко добьется и того и другого. А затем уедет на родину в придунайский городок Измаил. Как бы плохо им не было в Румынии, но это будет во сто крат лучше, нежели

в России. Пока они мне пишут самые восторженные письма. Я, конечно, теперь счастлив вполне.

Будьте же здоровы, дорогой Антоний Васильевич. Передайте наш сердечный привет Вашей супруге. Мих<аил> Мих<айлович> шлет Вам обоим самые искренние наилучшие пожелания.

Глубоко и искренно преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 12 с об.

Примечания

¹ Флоровский Антоний Васильевич (14.12.1884, Елисаветград (Кировоград) – 27.03.1968, Прага) – русский историк-славист. В 1894 г. семья Флоровских переехала в Одессу. Антоний уже в гимназические годы интересовался историей, русским и церковнославянским языками. После окончания гимназии он продолжил обучение на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1903-1908). Своей специализацией Флоровский избрал историю России XVIII века. С 1907 г. Антоний Васильевич преподавал в Одесском коммерческом училище. С 31 октября 1911 г. – приват-доцент, с 1912 г. читал лекции в Новороссийском университете (спецкурс «История царствования Екатерины II»), вел семинары по русской истории. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, с 1921 г. жил в Праге. Автор книги «Россия и жизнь славян при Александре I» (София, 1929). См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1999: В 6-ти т. Т. 6. Кн. 2. (Скр-Ф). – М., 2006, с. 663; Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918-1945 [Текст] / Кол. авт.: Т. Аникина, Ю. Бабаева, Л. Белошевская [и др.]. Прага: RT + RS Servis, 2008, с. 146-147; Командорова Н.И. Русская Прага. – М.: Вече, 2009, с. 211-216.

² Николай Афанасьевич Боур (до 1883 – февраль 1935, Измаил) – управляющий делами графа Толстого, казначей Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городских народных училищах, член Технического общества, Общества исправительных приютов и Общества борьбы с туберкулезом. См.: Вся Одесса на 1914 г. С. 48 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

³ Сен-Жорж (Saint-Georges) – главное кладбище г. Женевы, где сохранилось немного русских захоронений. По истечении 20, 30, 50 и 99 лет могилы уничтожаются. Именно поэтому, согласно швейцарским законам, могилы гр. Толстых, оплаченные только на 40 лет с 1926 года, не сохранились. «Если родные не оплачивают продление могилы и не имеют возможности перенести останки на новое место, то их просто перекапывают, освобождая место для новых захоронений». См.: Грезин И.И. Русский некрополь в Швейцарии // Родина. 2014, № 1, с. 26.

⁴ Автор благодарит за помощь в работе своих коллег О.А. Бачурину, И.П. Ерохину, С.В. Пушкиву, Г.Г. Сапожникова (все – ГИМ, Москва).

⁵ В настоящее время эта улица в Женеве называется rue Abraham-Constantin.

⁶ Речь идет об Эмиле Сперле (Emile Sperlé), учителя графов Толстых – Михаила Михайловича (1863-1927) и Константина Михайловича (1862-1890). Дарственные надписи Э. Сперле были обнаружены на детских книгах из библиотеки Толстых. См. об этом: Фабрика Л.В. Семейная библиотека графов Толстых в Одессе // Страницы истории благотворительности в Одессе. К 100-летию вступления графа М.М. Толстого в должность попечителя Одесской городской публичной библиотеки. – Одесса, 2000, с. 66, 68, 73.

⁷ В Государственном архиве Российской Федерации хранятся два письма Валентины Степановны Боур, написанные в декабре 1935 г., уже после смерти супруга Н.А. Боура.

⁸ Василий Афанасьевич Боур (до 1883 – 1951) – мировой судья 22-го участка. В 1914 г. проживал по адресу: Одесса, Черноморская, 14. См.: Вся Одесса на 1914 г. С. 30 (раздел «Участки мировых судей»), с. 48 (раздел «Алфавитный указатель города Одессы»).

⁹ Есть сведения об одной из сестер Боура Анне Афанасьевне Боур – преподавательнице женской гимназии Е.С. Пашковской, в 1914 г. проживавшей с братом Николаем в доме, принадлежавшем графине Е.Г. Толстой по адресу: Одесса, Гоголя, 19. См.: Одесса на 1914 г. С. 48 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»), с. 59 (раздел «Учебные заведения»).

¹⁰ Очевидно, речь идет о Сергее Михайловиче Диевском (1864 – не ранее 1926), сыне одесского протоиерея Михаила Ильича Диевского (1825-1893), который одно время был священником домово́й церкви графа Михаила Дмитриевича Толстого на Преображенской улице, преподавал Закон Божий в одесских учебных заведениях. С.М. Диевский обучался в одесской 2-й прогимназии, в 1900-х гг. – мировой судья. В 1914 г. мировой судья 2-го участка, проживал, очевидно, с супругой Диевской Александрой Георгиевной по адресу: Одесса, ул. Черноморская, 14. (См.: Михальченко В. Духовенство Одессы, 1794-1925. – Одесса, 2012; Вся Одесса на 1914 г. С. 30 (раздел «Участки мировых судей»), с. 137 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

¹¹ Иван Афанасьевич Боур (1883 – 26.02.1938) – уроженец г. Измаила Бессарабской губернии (Румынии), беспартийный, образование высшее. Проживал в доме педучилища г. Загорска Московской области. 2 сентября 1937 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, 21 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу, 26 февраля 1938 г. приговор был приведен в исполнение (Бутово). И.А. Боур был реабилитирован 19 мая 1989 г.

¹² Н.А. Боур умер предположительно в феврале 1935 г. в г. Измаиле, куда переехал с супругой после смерти Толстых. Проживали Боуры по адресу: Измаил, улица Болградская, 36. Из письма Валентины Степановны Боур: *«Мой бедный муж не успел сделать всего, что хотел, так как его утомленное сердце не выдержало, он скончался от крупозного воспаления легких, сгорев в одну неделю*

несколько месяцев тому назад. Почти 10 месяцев прошло, как он ушел в лучший мир так неожиданно для меня». См.: ГАРФ, ф. Р.-6784, оп. 1, д. 5, л. 304 об. По сведениям Т.А. Савоскиной, дом румынской постройки по ул. Болградской, 36, сохранился в первоначальном виде. В нем живут третьи или уже четвертое поколение, видимо, имеющих отношение к Боурам. Но эти сведения требуют уточнения. В настоящее время в доме проживает пожилая женщина. От соседей стало известно о некой пенсионерке Елене Жуковой, живущей в Москве, но ранее проживавшей по этому же адресу. Другие родственники Жуковой проживают в Румынии. Автор благодарит Татьяну Анатольевну Савоскину (г. Измаил) не только за ценные сведения, но и за предоставленные фотографии современного вида дома.

¹³ Автор ошибся. Читай: *Антоний Васильевич*.

¹⁴ Возможно, автор имеет в виду коммуну Румилли (Rumilly) в Верхней Савойе на юго-востоке Франции, там имеется и железнодорожная станция Румилли.

¹⁵ Описание замка было найдено в воспоминаниях Н.А. Кривошеиной за 1945 г.: *«Мы, по совету проф. Рауля Курильского, уехали в горы в Савойю, недалеко от Швейцарской границы и попали (через знакомых, конечно) в чудный старинный замок, стоявший на высоте пятисот метров, с дивным видом на зеленую долину. Владельцы замка были русские, семья Штранге. Там было уютно, красиво, все было вкусно, – комнаты у нас были одна 45 кв. метров, другая – 25 м, подоконники шириной в метр, все за нами ухаживали, старались, чтобы нам было хорошо, весело, беззаботно...»*. См.: Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. – М.: Русский путь, 1999.

¹⁶ Имеется в виду, очевидно, французский город Салланш (Sallanches) в Верхней Савойе.

¹⁷ Речь идет о семье почетного мирового судьи Одесского уезда и Одессы, действительного статского советника, гофмаршала, члена Государственного совета по выборам, херсонского губернского предводителя дворянства с 1896 по 1917 гг. Николая Федоровича Сухомлинова (1852 – после 1917). Его дочь Елена Николаевна (10/23.12.1882 – 11.02.1962, Ницца) была замужем за членом Херсонской губернской земской управы, коллежским советником в звании камер-юнкера двора е. и. в. князем Борисом Николаевичем Аргутинским-Долгорукиком (25.03/08.04.1870 – 11/24.03.1949, Ницца). См.: Грезин И.И. Русское кладбище Кокад в Ницце / Cimetière russe de Caucade à Nice. – М.: Старая Басманная, 2012, с. 41.

¹⁸ Лозанна (фр. Lausanne) – город на юго-западе Швейцарии.

¹⁹ Сухомлинова Надежда Артемьевна, урожденная Резникова, – супруга Н.Ф. Сухомлинова, председательница Общества покровительства животным, начальница женского попечительского совета, мать троих детей. Один сын умер до 1907 г. Второй сын Федор Николаевич (ок.1883 – не ранее 1914) в 1914 г. счлился в Симферопольском окружном суде, был женат на Н.Д. Маковецкой. Сухомлиновы проживали по адресу: Одесса, Лидерсовский бульвар, 5. См.: Вся Одесса на 1914 год. С. 3 (раздел «Земство Одесского уезда»), с. 73

(раздел «Землевладельцы Одесского уезда»), с. 393 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

²⁰ А.В. Флоровский был сыном священнослужителя Василия Антоновича Флоровского (1852-1928) и Клавдии Георгиевны, урожденной Попруженко (1863-1933).

²¹ Е.Г. Толстая умерла 18 декабря 1926 г. Дата смерти известна по: Терещенко Г.В. Красавицы столетий // Одесский вестник. 1997, № 207-208, с. 11. Автор благодарит Л.В. Ижик (г. Одесса) за указание на этот источник и за всю консультативную помощь по установлению сведений об одесских жителях.

